

Научная статья

УДК 332.1

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-4-151-159

УЧЕТ ПРИНЦИПОВ МОРСКОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В УПРАВЛЕНИИ ЦЕНТРО-ПЕРИФЕРИЙНЫМИ СТРУКТУРАМИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ

Александр Георгиевич Дружинин¹, Николай Владимирович Гонтарь²

^{1,2}Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем

Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия

¹Институт географии РАН, Москва, Россия

¹alexdr9@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1642-6335>

²passat01@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7310-1828>

Аннотация. Обеспечение устойчивости развития социально-экономических систем сопряжено с эффективным использованием имеющихся ресурсов экономического и пространственного развития. Для России существенно значимы факторы её приморского положения, аккумулируемые в приморских городах и регионах, во многих из которых экономическая активность лимитирована рисками конфликтности и потери эффективности управления в силу конкуренции за использование ресурсов приморских зон хозяйственными акторами и государством как хедлайнером приморской деятельности (судостроение, ВПК, охрана границ, экологическая безопасность), одновременно регулирующем динамику пространственных процессов. В этой связи целью статьи является обоснование применимости принципов морского пространственного планирования (МПП) в формировании системы управления в приморских регионах России. Значимым аспектом анализа явилось уточнение функционала МПП с учетом реалий и специфики центрo-периферийных отношений, в свою очередь проецирующихся на пространственно-отраслевые различия. В процессе как осмысления общей теории организации МПП, так и институционального анализа моделей управления в прибрежных акваториях и приморских зонах установлено, что потенциально наиболее эффективным и актуальным является интегрированный подход, объединяющий собственно МПП с комплексным управлением приморскими зонами. Предложено сочетание индикативного зонирования ареалов МПП и прибрежных зон при отсутствии жесткого фиксированного для них перечня видов деятельности сочетания с формированием узкого «набора» ограничительных условий деятельности (по бассейновому принципу) как основы разработки и реализации мер управления.

Ключевые слова: морское пространственное планирование, центрo-периферийные структуры, стратегическое планирование, приморские регионы, морская деятельность, пространственные системы, государственное регулирование, «морская» экономика, морская деятельность

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00022, <https://xn--m1afn.xn--p1ai/project/22-28-00022/> в Южном федеральном университете.

Для цитирования: Дружинин А. Г., Гонтарь Н. В. Учет принципов морского пространственного планирования в управлении центрo-периферийными структурами: концептуальные подходы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 4. С. 151–159. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-4-151-159>

Problems of Management

Original article

THE PRINCIPLES OF OFFSHORE SPATIAL PLANNING IN THE MANAGEMENT OF CENTER-PERIPHERAL STRUCTURES: CONCEPTUAL APPROACHES OF USAGE

Alexander G. Druzhinin¹, Nikolai V. Gontar²

^{1,2}North Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹alexdr9@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1642-6335>

²passat01@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7310-1828>

Abstract. The long-term sustainability of the development of socio-economic systems is due to the success in achieving the effectiveness of the use of available resources of economic and spatial development. For Russia, such resources are its coastal regions, in many of which both economic activity and risks of conflict and loss of management efficiency are great due to competition for the use of resources of the coastal zones of economic actors and the state as a headliner of a number of coastal activities (shipbuilding, military-industrial complex, border protection, environmental safety) and the regulator of economic processes. In this regard, the purpose of the article was to analyze the applicability of the principles of marine spatial planning in the formation of a management system in the coastal zones of Russia. A significant aspect of the analysis was the clarification of the MSP functionality for the central and peripheral regions of the Russian Federation due to their significant qualitative spatial and sectoral differences. The materials of both the theoretical study of MSP principles and the institutional analysis of management models in coastal waters and coastal zones have established that the use of MSP principles as model principles in the modernization of existing management approaches in coastal zones is potentially effective in Russia. Integrated management that combines MSP and seaside zone management is relevant. A combination of indicative zoning of MSP ranges and coastal zones is proposed in the absence of a rigid fixed prescribed list of activities in certain zones in combination with the formation of a narrow list of restrictive conditions of activity (according to the basin principle) as the basis for the development and implementation of management measures.

Keywords: marine spatial planning; center-peripheral structures; strategic planning; seaside regions; marine activities; spatial systems; state regulation; "maritime" economy; marine activities

Financial Support: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 22-28-00022, <https://xn--m1afn.xn--p1ai/project/22-28-00022> / at the Southern Federal University

For citation: Druzhinin A. G., Gontar N. V. The principles of offshore spatial planning in the management of center-peripheral structures: conceptual approaches of usage. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(4):151-159. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-151-159>

Введение. Универсальный в общепланетарном масштабе феномен талассоаттрактивности [1] является основой лидерства приморских урбанистических центров (включая крупнейшие мировые города и агломерации) и регионов, выступая также значимым механизмом развития национальных экономик приморских стран. Присущая приморским зонам концентрация населения и производств (отраслей морехозяйственного комплекса и иных видов хозяйствования, опирающихся на морские пути поставок [2]) дополняется, тем не менее, выраженными противоречиями в использовании как дефицитных тяготеющих к морю территорий, так и ресурсов прибрежных морских акваторий. Ориентация на сохранение поступательной динамики экономики приморских зон в условиях наличия спектра рисков их развития стала причиной формирования с 1970-х гг. (US Coastal Zone Management Act принят в США в 1972 г.) подходов, призванных экологизировать управление в полосе контакта суши и моря. Нарбатываемые далее в этом русле подходы оформились в «комплексное управление приморскими зонами» (КУПЗ) и «морское пространственное планирование» (МПП), принципы которых сегодня внедряются в крупных экономиках, опирающихся на коммуникационный, транспортный, ресурсный потенциал приморской зоны. Так, в частности, инструментарий МПП представлен на уровне ООН (Основные тезисы управления прибрежными зонами заложены в 1987 г. в Докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» [3]), Евросоюза (инициативы HELCOM-VASAB, BaltSeaPlan, «Plan Bothnia» и др.). Проекты КУПЗ и МПП реализуются также в США, Китае, других странах.

В России, характеризуемой сложной по структуре, иерархизированной системой управления социально-экономическими и территориальными процессами, МПП рассматриваются как инструмент планирования с начала 2010-х гг. Нарботаны теоретические подходы к использованию инструментария МПП (П. Я. Бакланов, С. В. Викторов, А. В. Вицентий, А. Д. Лаппо, С. Д. Митягин, В. М. Мякиненков, Б. П. Усанов, Г. М. Федоров и др.) [4-10], осуществлены конкретные проекты в данной сфере [7]. Значимой методологической проблемой (не решенной также и в имеющихся зарубежных публикациях) при этом остается учет стратификации объектов управления (приморских регионов и прибрежных акваторий) с учетом набатываемых в нашей стране

с конца 1980-х гг. [11], принципов и подходов центрo-периферийного анализа, лишь отчасти задействованных в немногочисленных «приморских» и «приграничных» исследованиях [2, 4-5, 12-16 и др.]). Полноформатное же внедрение принципов МПП сталкивается, при этом, с рядом проблем организации стратегирования и программирования в РФ [17-19], что неоднократно отмечено как применительно к федеральным и региональным стратегиям [20], так и интегральным документам, отражающим принципы морской деятельности¹ и пространственного развития в России (Стратегия пространственного развития РФ) [21, 22]. Это актуализирует необходимость выявления путей инкорпорирования принципов МПП в систему планирования регионального развития приморских регионов с учетом их центрo-периферийного статуса.

Цель и задачи. Целью статьи явилось выявление эволюции представлений об МПП в РФ, а также обоснование путей и способов интеграции инструментов МПП в регулирование морской деятельности в качественно различных (по центрo-периферийным параметрам) приморских регионах. В этой связи решались такие задачи как: выявление ключевых принципов МПП, внедрение которых обеспечивает рост эффективности деятельности в приморских зонах; оценка позиций МПП в современном российском федеральном и региональном законодательстве и процессах стратегирования; формирование концепции использования принципов МПП в условиях России с учетом центрo-периферийных различий.

Материалы и методы. Материалами исследования послужила аналитика, нормативные акты и методические пояснения профильных министерств и ведомств России, стратегии и программы федерального уровня и приморских регионов РФ, проекты нормативных актов, формирующие концептуальные основы имплементации принципов МПП в стратегирование и программирование развития приморских регионов. Особое внимание уделялось теоретическим и практическим наработкам в области идентификации субъектов и объектов МПП, механизмов его реализации с учетом центрo-периферийного статуса регионов. В качестве методов применены структурный и сравнительный анализ нормативно-правовых актов, а также научно-теоретических и аналитических материалов, методы обобщения и синтеза.

Результаты исследования

Формирование подходов к МПП обусловлено задачей реагирования на вызовы, формируемые концентрацией населения и хозяйственной активности в приморских областях и прибрежных акваториях. К числу наиболее значимых следствий такого рода процессов, как правило, относят:

- сосредоточение (в приморской зоне талассоцентрированных, по определению А.Г. Дружинина [2], регионов) значимого числа хозяйственных акторов, объектов и интересов, что формирует дефицит отдельных ресурсов, конфликты в сфере использования акватории и приморской территории [6, 23] (в силу ресурсного дефицита и разнонаправленных действий отраслей), сложность выстраивания системы управления;
- концентрацию антропогенной нагрузки, экологических рисков в силу превышения экологической емкости прибрежных (и приморских) экосистем;
- конфликты приморских стран вследствие континуальности морских пространств при одновременном «взаимоналожении» зон национальных интересов (и противоречиями между последними).

Согласно П. Я. Бакланову [5], МПП – это комплекс аналитических, оценочных и расчетных мероприятий, направленных на обоснование формирования и развития определенных видов хозяйственной деятельности в том или ином районе моря, океана; объектом МПП являются сегменты прибрежно-морского пространства. Подход VASAB [24] трактует «пространственное планирование морских регионов» как юридически определенный иерархический процесс согласования интересов конкурирующих сторон в использовании морского пространства с учетом ценностей и целей данного общества и международных установлений. Также МПП можно определить как практический инструментальный достижения рационального и многоцелевого использования морского пространства и взаимоотношений между акторами процесса для достижения баланса между потребностями социально-экономического развития и целью охраны окружающей среды [23].

¹ Распоряжение Правительства РФ от 30.08.2019 № 1930-р «О Стратегии развития морской деятельности в РФ до 2030 года».

Значимая черта проблемных ситуаций и рисков в сфере использования приморских территорий и прибрежных акваторий – дифференциация проблем в зависимости от центрально-периферийного статуса территорий. Так, если специфика «центральных» ареалов связана с упомянутой плотностью населения, производств, инфраструктур, транзакций и институтов, то на периферии (где, подчас, морская деятельность номинально менее активна) в качестве приоритетных проблем может выступать хрупкость экосистем (в северных, арктических регионах), слабость контроля за использованием территории, нерациональность эксплуатации ресурсного потенциала (с угрозой его истощения либо уничтожения), недостаточность инвестиций для достижения должной эффективности (в силу непривлекательности периферии), экстенсивность развития (в силу малой плотности освоения).

МПП, отвечая на эти пространственно стратифицированные вызовы (прежде всего – концентрации деятельности), характеризуется такими ключевыми принципами как:

- комплексность использования приморских территорий, прибрежных зон и ареалов МПП,
- согласование интересов акторов в зоне МПП,
- экологический подход, учитывающий непрерывность, динамичность и экологическую емкость прибрежных и морских экосистем.

Дополнением вышеперечисленных служат такие принципы МПП, как [23]: конкретность акватории планирования (очерченной юридическими, социально-экономическими и экологическими рамками); интегральность (достижение позитивного по вектору взаимодействия отраслей промышленности, органов управления, других акторов); совместное участие (учет мнения всех заинтересованных на различных этапах МПП); стратегический характер планирования (для больших горизонтов); адаптивность (гибкость, возможность коррекции принятых решений).

Характерно, что, при общем единстве подхода, МПП организационно реализуется многими путями, включая интеграцию МПП в национальные системы управления в приморских регионах и на акваториях. При этом только сравнительно небольшое число государств имеет законодательство, закрепляющее терминологию и процедуры МПП (Бельгия, Великобритания, Германия, Швеция); большинство же реализуют МПП в рамках существующего, как правило природоохранного, законодательства или в рамках соглашений между ведомствами (в Норвегии и Нидерландах). Лишь в немногих странах планы МПП имеют обязательную юридическую силу [23].

Характеристикой действующих МПП является также сочетание в них как повсеместно применяемых, так и уникальных инструментов. К последним следует отнести технологию согласования интересов, интегрированность в институциональное поле стран мира, аналитический инструментальный мониторинг, прогнозирования и зонирования территорий и акваторий, подходы к выстраиванию экологического каркаса прибрежных акваторий. Однако собственно комплексный и экологический подходы, а также использование принципов зонирования применяются в России как в рамках стратегического планирования, так и при территориальном планировании.

Характерно также, что, будучи специфическим аналитико-исследовательским подходом, МПП не дает однозначного понимания объекта управления (границах приморских и прибрежных участков аква-территориальных систем). Не получил однозначного ответа (в России) и вопрос о субъектах управления аква-территориальными системами в условиях ведомственной разобщенности.

Принципы МПП в российском правовом поле в области стратегирования и программирования отражены фрагментарно и отчасти формально. Проект закона о МПП подготовлен, но не принят на федеральном уровне. Однако в документах относительно разработки и корректировки стратегий развития регионов РФ были упомянуты лишь отдельные аспекты, отражающие развитие «морской» экономики (что, однако, можно увязать и с ростом в целом значимости морской экономики в России). В числе первостепенных причин подобной ситуации – неоднозначность трактовки самих пространственных объектов МПП. Так, П. Я. Бакланов предлагает рассматривать [4] в качестве объекта МПП пространственные (аква-территориальные) структуры в пределах прибрежных территорий шириной 25–50 км и морских пространств – в пределах 200-мильной экономической зоны. Иной подход [7] ориентирует на понимание акватории как части суши, покрытой водой, что низводит МПП до разновидности территориального планирования.

Одной из причин весьма медленного внедрения принципов МПП в практико-ориентированные разработки федерального и регионального уровня выступает и разобщенность стратегического и территориального планирования, динамичность законодательной базы (включая Градостроительный и Водный кодексы, положения Минэкономразвития относительно разработки региональных Стратегий), концептуально-терминологические разночтения рамочной Стратегии пространственного развития РФ и корреспондирующих с ней документов. Нерешенной остается и проблема взаимодействия и согласования интересов ведомств в рамках реализации МПП. Тем не менее, в настоящее время, приморские территории и прибрежные акватории уже фигурируют в федеральных документах как самостоятельный единый объект государственного управления. Так, раздел 3 «Распоряжения...»¹ посвящен переходу к комплексному планированию развития *прибрежных* акваторий и приморских территорий, что согласуется с рекомендациями Минэкономразвития дополнить состав Стратегий приморских субъектов разделом по *прибрежным* территориям (где будут отражены в том числе межотраслевые противоречия и конфликты в морской деятельности, пути их преодоления (в том числе с использованием схем МПП)). В свою очередь, в Стратегии развития морской деятельности в РФ до 2030 года² в качестве приоритетного обозначен «переход к комплексному планированию развития прибрежных акваторий и приморских территорий» (что скорее соответствует подходу КУПЗ).

Письмо Минэкономразвития от 11 октября 2013 г. № Д17и-904³ о разработке прибрежно-морского компонента региональных Стратегий рекомендует региональным органам власти систематизировать комплекс международных требований к деятельности в прибрежной зоне и учесть их в стратегических документах; упоминая необходимость внедрения инструментов МПП. Для прибрежной зоны предлагается выделить спектр рисков ее динамики. Подтверждается, также, единство объекта управления, которое: «в береговой зоне должно осуществляться с использованием форм и методов на базе сочетания государственного отраслевого и территориального управления путем объединения приморских территорий и прибрежных акваторий в рамках единого объекта госуправления». Способствовать этому призвано согласование стратегических интересов хозяйствующих субъектов морской деятельности, а также соседних субъектов РФ.

В уточненных в 2022 г. «Методических рекомендациях...»⁴ Минэкономразвития (разделы 7, 9) также предлагается дополнить состав Стратегий для приморских субъектов отдельным разделом по прибрежным территориям, который призван обеспечить переход от отраслевого (секторального) к комплексному (интегральному) планированию и управлению морской деятельностью.

В самих регионах РФ идеи МПП ранее, кстати, уже получили воплощение в ряде документов и разработок, что демонстрирует пример Арктики⁵, Приморского края⁶ (в экологическом аспекте), а также Балтики [7]. Представленность МПП в современном законодательном поле РФ одновременно иллюстрирует фрагментарность и подчиненность МПП (рассматриваемого отчасти как инструмент решения отраслевых задач). Кроме того, формулировки тяготеют скорее к трактовке КУПЗ, чем к МПП, и это инициирует вопрос о вариантах адекватного учета принципов МПП в управленческих подходах.

Приоритеты интеграции принципов МПП в систему управления в приморских зонах РФ. Оценивая современные российские реалии, следует прежде всего отметить, что идеология МПП в полной мере до сих пор не реализована. Имеется в виду, в частности, необходимость

¹ Распоряжение Правительства РФ от 30.08.2019 № 1930-р «О Стратегии развития морской деятельности в РФ до 2030 года».

² Расп. Правительства РФ от 30.08.2019 № 1930-р «О Стратегии развития морской деятельности в РФ до 2030 года».

³ Письмо Минэкономразвития России от 11.10.2013 № Д17и-904 «О Методических рекомендациях по разработке прибрежно-морского компонента Стратегии социально-экономического развития приморского субъекта Российской Федерации».

⁴ Приказ Минэкономразвития России от 23.03.2017 № 132 (ред. от 18.02.2022) «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации».

⁵ Приказ Министерства регионального развития РФ от 26 марта 2014 г. № 82 «Об утверждении модели комплексного управления прибрежными зонами в арктических регионах».

⁶ Доклад Администрации Приморского края «Об экологической ситуации в Приморском крае в 2014 году».

внедрения подходов комплексности и континуальности управления как в рамках морских бассейнов РФ, так и на пространствах приморских регионов, прибрежных акваторий и собственно морей. Кроме того, следует уделить внимание процедурным вопросам реализации МПП, его циклическому характеру (что, в частности, в ЕС реализуется непрерывностью планирования, реализации и корректировки соответствующих планов). Наконец, существенным является и отсутствие дифференциации МПП на центрально-периферийной основе, позволяющей приблизить процедуры планирования к реальным аква-территориальным условиям и их динамике.

Обратим внимание и на ряд векторов необходимой, потенциально продуктивной имплементации принципов МПП в систему управления в приморских регионах. Так существенным основанием достижения процедурной эффективности планирования является обеспечение единства аква-территориальных систем. В силу этого следует признать значимой задачей формирование в управленческом поле процедур сквозного планирования, поэтапно и покомпонентно достигающих согласованности планов федеральных ведомств и регионов в сфере использования приморских территорий и прибрежных акваторий.

Второй актуализированный принцип – осуществление зонирования морских акваторий и прибрежных зон с учетом параметров экологической емкости при отсутствии предписывающих (жестко регламентирующих) планировочных решений. Функциональное зонирование и определение местоположения объектов – аналитический итог МПП. Однако непродуктивность жесткой фиксации видов использования в рамках зонирования предопределена возможностью обновления технологий и направлений использования ресурсов. Такие факторы могут «работать» на рост эффективности использования ресурсов в будущем. Наряду с этим следует исходить из достаточно постоянной во времени экологической емкости акваторий как собственно прибрежных, так и более отдаленных участков. Учет подобной емкости, напротив, предполагает формирование жестких рамок (индикаторов предельных нагрузок) использования аква-территориальных систем, что обеспечивает возможность возникновения разных сочетаний морского и прибрежного ресурсопользования с учетом заданных предельных рамок экологической емкости.

Третья важная компонента – интеграция (с учетом влияния «внутриконтинентальных» процессов на состояние аквальных экосистем) подходов КУПЗ и МПП. Так, совершенно оправданным представляется внимание к сравнительно узкой полосе контакта приморских зон суши и прибрежных акваторий в силу концентрации здесь хозяйственной активности и антропогенной нагрузки. Однако правомерно рассматривать данную узкую зону лишь как стержневой компонент более обширной аква-территориальной системы (простирающейся вглубь как суши, так и морского пространства).

Как отмечается [24], прибрежные зоны – «связующее звено» суши и моря; состояние водосборного бассейна и экономическая деятельность на берегу оказывают значимое влияние на морскую среду, в силу чего береговое пространственное планирование должно согласовываться с МПП. Морской компонент такой системы испытывает в сумме более значительное влияние деятельности на берегу (вбирая антропогенное влияние с большей площади, включая и глубинные районы приморских регионов). Также и эффекты близости к морю распространяются на более обширные (чем прибрежная полоса) приморские пространства. В силу этого, МПП оправданно рассматривать как зонтичный (по отношению к сравнительно более узкой аквально-территориальной полосе наиболее интенсивного контакта суши и моря) подход. Следовательно, можно говорить о согласованности подходов КУПЗ и МПП к планированию на различных по глубине участках контакта моря и суши.

Наконец, учета требует и собственно центрально-периферийная стратификация аква-территориальных структур. «Центральные» по статусу ареалы не только вмещают существенно более сложные сочетания национальных хозяйственных акторов, но и являются «воротами» для международного взаимодействия (что выражается в присутствии ПИИ, производств ТНК, дипломатических миссий, граждан других стран, коммуникаций в научной, производственной, технологической, кластерной, общественно-политической сферах). Управление в таких условиях должно не только опираться на рассмотренные подходы к зонированию, но и предусматривать возможность использования институциональной и субъектной плотности обособленных «центральных мест» в рамках более сложной и разветвленной (в том числе на уровне регион – группа муниципалитетов – приморские муниципалитеты) системе управления и планирования. Напротив,

в ситуации локальности и лаконичности производственной структуры периферийных приморских регионов дублирование полного спектра представительств органов управления избыточно. Аналогичным образом и дробление зонирования в условиях отсутствия спроса субъектов экономики может быть отнесено лишь к участкам фактического использования территории и акватории периферий.

Заключение. Эскалация проблемных ситуаций, порождаемых интенсификацией морехозяйственной активности, актуализирует использование принципов МПП, корректируемых и адаптируемых с учетом в том числе и центрo-периферийных особенностей морских акваторий, а также прибрежных территорий. В России, несмотря на уже достигнутое теоретическое осмысление и практическое применение ключевых принципов МПП, действующее законодательство лишь отчасти (и весьма формально) отражает его потенциал в планировании и стратегировании развития. Это позволяет обозначить в качестве векторов совершенствования практики управления: индикативное зонирование ареалов МПП и прибрежных зон, дифференциацию управленческой инфраструктуры по центрo-периферийному принципу, внедрение МПП как инструментария согласования интересов без внедрения над-органов управления, интеграцию подходов КУПЗ и МПП в рамках зонирования и построения перспектив прибрежных и приморских пространств.

Список источников

1. Дружинин А. Г. Типологическая поливариантность опорных баз морской активности России (теоретико-концептуальный аспект) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. 2021. № 2. С. 23–34.
2. Социально-экономическое развитие приморских территорий европейской части России: факторы, тренды, модели / под ред. А. Г. Дружинина. Ростов-на-Дону, 2016. 236 с.
3. Рыженков А. А. Проблемы делимитации и принципы управления прибрежными территориями арктической зоны Российской Федерации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 9. С. 62–75.
4. Бакланов П. Я. Морское пространственное планирование: теоретические аспекты // Балтийский регион. 2018. Т. 10. № 2. С. 76–85.
5. Бакланов П. Я., Новиков А. Н., Новикова М. С. Влияние трансграничности на территориальные структуры Приморского края России и сопредельных территорий // Ученые записки Казанского университета. Серия: Естественные науки. 2018. Т. 160. № 1. С. 162–177.
6. Вицентий А. В., Шишаев М. Г., Ершова А. А., Гогоберидзе Г. Г. Концептуальная модель морехозяйственной деятельности в регионе как основа систем информационной поддержки морского пространственного планирования // Труды Кольского научного центра РАН. 2017.
7. Сегодня и завтра морского пространственного планирования в Российской Федерации // Вестник. Зодчий. 21 век. 2014. № 1 (50). С. 38–45.
8. Митягин С. Д., Лазарева М. С. "Черная дыра" Финского залива // Вестник. Зодчий. 21 век. 2016. №1 (58).
9. Мякиненков В. М. Основные подходы к формированию инструментария и методические особенности морского пространственного планирования // Балтийский регион. 2013. № 1. С. 99–115.
10. Федоров Г. М. Проблемы трансграничного регионообразования в российских регионах на Балтике // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2016. № 5. С. 82–92.
11. Грицай О. В., Иоффе Г. В., Трейвиш А. И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: ИГ РАН, 1991. 168 с.
12. Карпенко М. С., Колосов В. А., Себенцов А. Б. Трансформация российско-казах-станского пограничья в постсоветский период: институциональное и экономическое измерения // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 5 (68). С. 25–40.
13. Катровский А. П., Ридевский Г. В. Пространственная экономическая асимметрия как фактор развития российско-белорусского трансграничного региона // Региональные исследования. 2013. № 3 (41). С. 128–136.
14. Колосов В. А. Кризис в отношениях между Россией и Украиной и его влияние на трансграничные взаимодействия / Актуальные проблемы мировой политики. Ежегодный альманах. Санкт-Петербург, 2020. С. 444–464.

15. Межевич Н. М. Приграничное сотрудничество: теория и российская региональная практика // Южно-Российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2011. № 1 (2). С. 024–033.

16. Трансграничное кластерообразование в приморских зонах европейской части России: факторы, модели, экономические и экостические эффекты / под ред. А. Г. Дружинина. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2017. 421 с.

17. Гонтарь Н. В. Морехозяйственный комплекс России: организационно-институциональные проблемы реализации мер развития (на примере государственных программ) / Экономико-управленческий конгресс. Сб. статей по материалам Международного научно-практического мероприятия. Белгород, 2020. С. 104–109.

18. Гонтарь Н. В. Центро-периферийность "морских" трансграничных регионов: концептуальный подход к идентификации и формированию системы мониторинга // Псковский региональный журнал. Том 18. № 4. 2022. С. 87–95.

19. Дружинин А. Г., Гонтарь Н. В. Федеральная поддержка ведущих приморских регионов: бюджетные приоритеты и специальные режимы развития // Тихоокеанская география. 2021. № 4 (8). С. 59–71.

20. Минакир П. А. "Стратегия пространственного развития" в интерьере концепций пространственной организации экономики // Пространственная экономика. 2018. № 4. С. 8–20. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2018.4.008-020>

21. Кузнецова О. В. Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 107–125.

22. Минакир П. А. Национальная стратегия пространственного развития: добросовестные заблуждения или намеренные упрощения? // Пространственная экономика. 2016. № 3. С. 7–15.

23. Ершова А. А. и др. Морское пространственное планирование: возможности для приморских территорий и прилегающих акваторий Мурманской области // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14. № 2 (359). С. 269–287.

24. Пальмовский Т., Тарковский М. Сотрудничество стран региона Балтийского моря // Балтийский регион. 2018. Т. 10. № 2. С. 100–113.

References

1. Druzhinin A. G. Typological polyvariance of supporting bases of Russia's maritime activity (theoretical and conceptual aspect). *Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series: Natural and medical sciences*. 2021;(2):23–34. (In Russ.)

2. Druzhinin A. G., Volkhin D. A., Gontar N. V., et al. *Socio-economic development of the coastal territories of the European part of Russia: factors, trends, models*. Rostov-on-Don, 2016. (In Russ.)

3. Ryzhenkov A. A. Problems of delimitation and principles of management of coastal territories of the Arctic zone of the Russian Federation. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2020;(9) (In Russ.)

4. Baklanov P. Ya. Marine Spatial Planning: Theoretical Aspects. *Baltic region*. 2018;10(2):76-85. (In Russ.)

5. Baklanov P. Ya., Novikov A. N., Novikova M. S. The impact of transboundary on the territorial structures of the Primorsky Territory of Russia and adjacent territories. *Scientific notes of Kazan University. Series: Natural Sciences*. 2018;160(1):162-177 (In Russ.)

6. Vicentiy A. V., Shishaev M. G., Ershova A. A., Gogoberidze G. G. Conceptual model of maritime economic activity in the region as the basis of information support systems for marine spatial planning. In: *Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2017. (In Russ.)

7. Today and tomorrow of marine spatial planning in the Russian Federation. *Herald. Architect. 21 century*. 2014;1(50):38–45 (In Russ.)

8. Mityagin S. D., Lazareva M. S. "Black hole" of the Gulf of Finland. *Herald. Architect. 21st century*. 2016;1(58) (In Russ.)

9. Myakinenkov V. M. Basic approaches to the formation of tools and methodological features of marine spatial planning. *Baltic region*. 2013;(1):99–115 (In Russ.)

10. Fedorov G. M. Problems of cross-border regional formation in the Russian regions in the Baltic. *Socio-economic geography. Bulletin of the Association of Russian social geographers*. 2016;(5):82–92 (In Russ.)

11. Gritsai O. V., Ioffe G. V., Treivish A. I. Center and periphery in regional development. Moscow: IG RAN; 1991. 168 p. (In Russ.)

12. Karpenko M. S., Kolosov V. A., Sebentsov A. B. Transformation of the Russian-Kazakh borderland in the post-Soviet period: institutional and economic dimensions. *Problems of national strategy*. 2021;5(68):25–40. (In Russ.)

13. Katrovsky A. P., Ridevsky G. V. Spatial economic asymmetry as a factor in the development of the Russian-Belarusian transboundary region. *Regional studies*. 2013;3(41):128-136. (In Russ.)
14. Kolosov V. A. The crisis in relations between Russia and Ukraine and its impact on cross-border interactions. *Actual problems of world politics. Annual almanac*. St. Petersburg, 2020:444-464. (In Russ.)
15. Mezhevich N. M. Cross-Border Cooperation: Theory and Russian Regional Practice. *South Russian Forum: economics, sociology, political science, socio-economic geography*. 2011;1(2):024-033. (In Russ.)
16. Druzhinin A. G. et al. *Cross-border cluster formation in the coastal zones of the European part of Russia: factors, models, economic and environmental effects*. Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Federal University; 2017. (In Russ.)
17. Gontar N. V. The Maritime Complex of Russia: Organizational and Institutional Problems of the Implementation of Development Measures (on the Example of State Programs). In: *Economic and Management Congress. Sat. articles based on the materials of the International scientific and practical event*. Belgorod; 2020:104-109. (In Russ.)
18. Gontar N. V. Center-periphery of "marine" transboundary regions: a conceptual approach to the identification and formation of a monitoring system. *Pskov regional journal*. 2022;18(4). (In Russ.)
19. Druzhinin A. G., Gontar N. V. Federal support for leading coastal regions: budgetary priorities and special development regimes. *Pacific geography*. 2021;4(8):59-71. (In Russ.)
20. Minakir P. A. "Strategy of spatial development" in the interior of the concepts of the spatial organization of the economy. *Spatial economics*. 2018;(4):8-20. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2018.4.008-020> (In Russ.)
21. Kuznetsova O. V. Spatial Development Strategy of the Russian Federation: Illusion of Solutions and Reality of Problems. *Spatial economics*. 2019;15(4):107-125. (In Russ.)
22. Minakir P. A. National Spatial Development Strategy: Honest Misconceptions or Deliberate Simplifications? *Spatial economics*. 2016;(3):7-15. (In Russ.)
23. Ershova A. A. Marine Spatial Planning: Opportunities for Primorsky Territories and Adjacent Water Areas of the Murmansk Region. *National interests: priorities and security*. 2018;14(2 (359)):269-287. (In Russ.)
24. Palmovsky T., Tarkovsky M. Cooperation between the countries of the Baltic Sea region. *Baltic region*. 2018;10(2):100-113. (In Russ.)

Информация об авторах

А. Г. Дружинин – доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета; ведущий научный сотрудник Института географии РАН;

Н. В. Гонтарь – кандидат географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета.

Information about the authors

A. G. Druzhinin – Doctor of Geographical Sciences, Professor, Director of the North Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems of the Southern Federal University; Leading Researcher of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences;

N. V. Gontar – Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the North Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems of the Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.11.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 30.11.2022.

The article was submitted 18.11.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 30.11.2022.